

В гостиной уже витал аромат еды. Утром Цзин Цичэнь приготовил лапшу на лёгком бульоне, который сам сварил из костей. Утренняя трапеза получилась не слишком тяжёлой, но очень ароматной. Достаточно было добавить немного соли, каплю кунжутного масла и щепотку зелёного лука, чтобы блюдо стало готовым.

Дань-Дань лучше справлялся с палочками, чем Сяо Дуньэр, и во время еды постоянно поправлял, как тот держит их.

Цзин Цичэнь, казалось, играл роль заботливой матери, хотя и редко проявлял свои чувства открыто. Но Дань-Дань, обладая чуткой натурой, всегда чувствовал его любовь.

Чувство любви невидимо и неосязуемо, но если оно искреннее, тот, кого любят, обязательно почувствует его.

Именно такое ощущение было у Янь Сюя, хотя он и не мог понять, что именно Цзин Цичэнь испытывает к нему. Ему казалось, что Цзин Цичэнь проявляет к нему внимание лишь из-за Дань-Даня, что звучало абсурдно, ведь Дань-Дань был его собственным ребёнком.

Но Янь Сюй не мог избавиться от этого чувства.

— Ешь больше, — сказал Цзин Цичэнь, заметив, что Янь Сюй неохотно ковыряет лапшу. На его лице не было ни капли смущения, как будто он не крал поцелуй прошлой ночью.

Янь Сюй кивнул, но аппетита у него не было, и есть он не хотел:

— Живот как-то раздулся, не хочется есть.

— Может, из-за жары? — предположил Цзин Цичэнь.

Странно, но Янь Сюй был обычным человеком, в этом Цзин Цичэнь был уверен, однако всё, что происходило с Янь Сюем, он не мог почувствовать. Даже если тот заболел, пока это не подтверждалось, Цзин Цичэнь ничего не ощущал.

Янь Сюй кивнул:

— Возможно. В последние дни такое состояние, аппетита нет, а жирная еда вызывает тошноту.

Цзин Цичэнь задумался. Эти симптомы звучали знакомо, будто он где-то уже слышал о них.

— У тебя так было, когда ты был с Дань-Данем? — вдруг спросил он, но выражение его лица стало сложным.

Он точно... точно ничего не делал!

Янь Сюй занервничал:

— Неужели я снова попал?

Хотя Дань-Дань был действительно послушным, сейчас у него просто не было сил заботиться о ещё одном ребёнке.

— Я ведь никуда не ходил! Хотя в медицине есть понятие гермафродита, но у меня... я же проверялся, у меня нет такого, я чистокровный мужчина, гормоны в норме. И на ту гору я больше не ходил. — Янь Сюй был на грани паники.

Цзин Цичэнь взял его за руку:

— Не волнуйся, успокойся.

Но самым спокойным в комнате был, безусловно, Дань-Дань. Малыш, хоть и маленький, но умный, понимал разговор Цзин Цичэня и Янь Сюя. Он, не доев лапшу, отложил палочки и подбежал к Янь Сюю.

Дань-Дань потрогал живот Янь Сюя и приложил к нему ухо, беззаботно сказав:

— Папа, почему братик не пинается? В телевизоре говорят, что малыши в животе пинаются.

Сяо Дуньэр, запоздало поняв, с любопытством подошёл ближе. Дань-Дань взял его руку и положил на живот Янь Сюя, с гордостью сказав:

— Смотри, братик! Я тоже стану старшим братом!

Сяо Дуньэр тоже обрадовался:

— Мне нравятся братики! Они маленькие, мягкие, такие милые.

Дети были в восторге, а Янь Сюй сидел в полном недоумении, бледный и растерянный.

Он до сих пор не понимал, что с ним происходит. Неожиданно появился ребёнок, и он просто не мог принять мысль о ещё одном. Ведь для любого мужчины неприемлемо осознавать, что он может откладывать яйца.

Цзин Цичэнь тоже был в замешательстве. Он точно ничего не делал с Янь Сюем. Неужели всё из-за вчерашнего поцелуя?

Неужели теперь фениксы размножаются так просто? Достаточно поцеловать, чтобы забеременеть?

Как же тогда фениксы вымерли? Цзин Цичэнь начал сомневаться в своей памяти.

Губы Янь Сюя дрожали, лицо побледнело, и он спросил Цзин Цичэня:

— Что делать?

Цзин Цичэнь не знал, что ответить, и лишь осторожно предложил:

— Родить?

Лицо Янь Сюя побелело — деньги на учёбу ребёнка, их дом всего лишь однокомнатная квартира, и в будущем троим детям точно не хватит места. А ещё вопросы воспитания, три мальчика и все проблемы, которые возникнут, когда они вырастут. Янь Сюй даже думать об этом не хотел.

— Дань-Дань, ты и Сяо Дуньэр идите поиграйте в комнату, хорошо? Папе и дяде нужно поговорить, — с натянутой улыбкой сказал Янь Сюй детям.

Дань-Дань и Сяо Дуньэр послушались и, взяв свои игрушки, ушли в комнату.

Когда дверь закрылась, Янь Сюй спросил Цзин Цичэня:

— Я не хочу этого ребёнка. Господин Цзин, есть ли способ избавиться от него?

— Не знаю, — честно ответил Цзин Цичэнь. — Ты не думал о том, чтобы родить его?

Янь Сюй махнул рукой:

— Ты же видишь, в каком состоянии мой дом. Я точно не смогу вырастить троих детей. Дома тесно, всё неудобно.

— Дань-Дань и Сяо Дуньэр ещё такие маленькие, я не могу оставить их дома смотреть за ребёнком, — вздохнул Янь Сюй. — Тем более, я мужчина, и всё это... это же ненормально!

Цзин Цичэнь смотрел на обеспокоенного Янь Сюя, и, зная, что в его животе, возможно, снова находится его яйцо, в порыве эмоций выпалил:

— Я буду заботиться о детях, я обеспечу вас.

Сказав это, он сразу понял, что совершил ошибку.

Янь Сюй посмотрел на него странным взглядом, и атмосфера в комнате стала невыносимо напряжённой. Янь Сюй открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент раздался звонок в дверь.

Слава богу...

Цзин Цичэнь подошёл и открыл дверь. На пороге стояла женщина в деловом костюме — мать Хуан Чжианя. Она выглядела очень молодо, на её лице не было ни одной морщинки, она была одета в комбинезон и держала в руках сумку, словно была занята делами на миллионы.

На этот раз она пришла одна, без своих подчинённых и без подарков.

Увидев Цзин Цичэня, её выражение изменилось, и на лице появилась льстивая улыбка. Она сказала:

— Я не знала, что вы наш сосед. Вчера всё произошло так внезапно, я не успела узнать, и потому побеспокоила вас.

— Ещё что-то? — спросил Цзин Цичэнь, явно не желая с ней разговаривать.

Янь Сюй тоже заметил это. Цзин Цичэнь был вежлив со всеми, но эта вежливость была холодной и отстранённой. Он никогда не начинал разговор первым и даже не здоровался. Янь Сюй даже не знал, есть ли у Цзин Цичэня друзья или какой-то круг общения.

Он почти ничего не знал о Цзин Цичэне, кроме того, что видел.

Янь Сюй почувствовал холод.

Женщина, похоже, не собиралась уходить сразу. На её лице была льстивая улыбка, а голос, хоть и не был мягким, звучал грубовато:

— Я хотела спросить, будете ли вы свободны в эти выходные. У нас будет встреча, и придут многие известные люди.

— Разве я считаюсь известным? — усмехнулся Цзин Цичэнь.

Женщина смутилась, но всё же нагло улыбнулась:

— Как вы можете так говорить? Если вы не известный, то кто тогда?

Янь Сюй смотрел на женщину, думая о том, что Хуан Чжиань был прототипом китайской деревенской собаки. Значит, его мать, вероятно, тоже была оборотнем?

Пока Янь Сюй размышлял, женщина заметила его. Возможно, благодаря женской интуиции, она сразу поняла, что с Янь Сюем будет проще договориться, чем с Цзин Цичэнем. Она помахала рукой и сказала:

— Господин Янь, вы меня помните? Я мама Чжианя.

Янь Сюй, не желая быть невежливым, ответил:

— Проходите.

Цзин Цичэнь наконец отошёл от двери.

Женщина, войдя, осмотрела дом. Обычный ремонт, простая мебель, маленькая и узкая квартира. Но её нос был более чутким, чем у Хуан Чжианя, и она уловила запах Сяо Дуньэра, но не Янь Сюя. Однако она промолчала.

Она знала, что некоторые вещи не стоит знать, потому что это не принесёт пользы.

Это была мудрость, которую ей подарили годы.

<http://bllate.org/book/15574/1386970>